

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

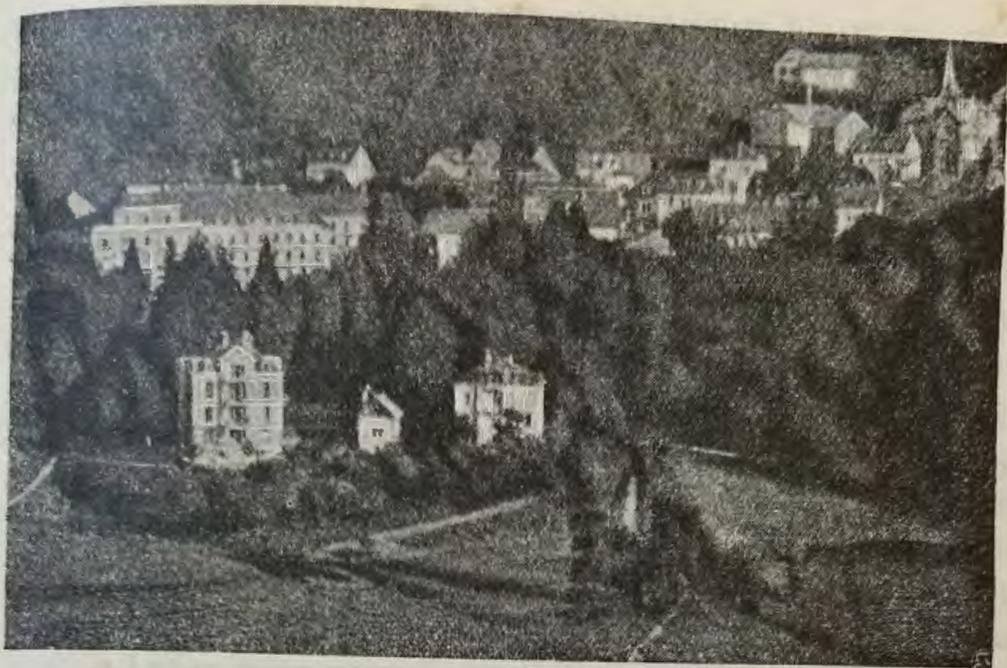
**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

Курортъ Бадень-Вейлеръ, гдѣ скончался А. П.

Памяти Антонъ Павловича Чехова *).

2 іюля, въ Бадень-Вейлерѣ, въ Шварцвальдѣ, умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Онъ жилъ здѣсь три недѣли. Незадолго до смерти одному изъ друзей въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», онъ писалъ, что чувствуетъ себя очень хорошо, поправляется, и «здоровье входитъ въ него пудами». На этомъ основаніи газета напечатала замѣтку, которая сообщала о здоровьѣ Чехова самыя успокоительныя извѣстія. Но это было лишь обманчивое самочувствіе, нерѣдкое у чахоточныхъ. Вскорѣ процессъ въ легкихъ обострился, питаніе начало падать, вѣсъ тѣла быстро понижался. Во вторникъ (29 іюня)

*) Эти воспоминанія впервые были напечатаны въ жур. „Р. Б.“ кн. VII 1904, а затѣмъ вошли въ сборникъ „Отошедшіе“.

безъ видимой причины появилось ослабленіе дѣятельности сердца. Въ часъ ночи на 2 іюля больной проснулся отъ сильнаго удушья, а къ тремъ часамъ умеръ «безъ агоніи», на рукахъ у жены.

Такъ быстро и неожиданно закончилась эта жизнь. Чеховъ умеръ только 44 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ таланта... Несомнѣнно, что смерть эта отозвалась въ тысячахъ сердець щемящей грустью, да и жизнь его въ послѣдніе годы была тоже обвѣяна какою-то неутолимою печалью, къ которой, силою огромнаго «заразительнаго» таланта, онъ сумѣлъ приобщить своихъ читателей... А между тѣмъ этотъ человѣкъ начиналъ свою литературную карьеру такимъ же заразительнымъ, сверкающимъ и яркимъ весельемъ и смѣхомъ!..

Какая парадоксальная литературная судьба!..

Съ Чеховымъ я познакомился въ 1886 или въ началѣ 1887 г. (теперь точно не помню). Въ то время онъ успѣлъ издать два сборника своихъ рассказовъ. Первый, который я видѣлъ въ одно изъ своихъ посѣщеній на столѣ у Чехова, назывался «Сказки Мельпомены» и, кажется, составлялъ изданіе какого-то юмористическаго журнала. Самая внѣшность его носила отпечатокъ, присущій нашей юмористической прессѣ. На обложкѣ стояло: «А. Чехонте» и былъ изображенъ мольбертъ, а передъ нимъ—карикатурная фигура длинноволосаго художника. Если память мнѣ не измѣняетъ, виньетку эту рисовалъ братъ Антона Павловича, художникъ, умершій въ самомъ концѣ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ, человѣкъ, какъ говорили, очень талантливый, но неудачникъ... Эту первую книжку Чехова мало замѣтили въ публикѣ, и теперь рѣдко кто ее, вѣроятно, помнитъ. Но нѣкоторые (кажется, не всѣ) рассказы изъ нея вошли въ послѣдующія изданія.

Затѣмъ, помнится, въ началѣ 1887 года появилась уже болѣе объемистая книга «Пестрыхъ рассказовъ», печатавшихся въ «Будильникѣ», «Стрекозѣ», «Осколкахъ» и на этотъ разъ подписанныхъ уже фамиліей А. П. Чехова. Эта книга была замѣчена сразу широкой

читающей публикой. О ней начали писать и говорить. Писали и говорили разное, но много, и в общем это было большой успех. В газетных некрологах и замѣтках упоминается о томъ, будто А. С. Суворинъ первый разсмотрѣлъ среди вороховъ нашего тусклаго російскаго «юмора» неподдѣльныя жемчужины Чеховскаго таланта. Это, кажется, невѣрно. Первый обратилъ на нихъ вниманіе Д. В. Григоровичъ. Какъ кажется, онъ оцѣнилъ эти самородныя блески еще тогда, когда онѣ были разбросаны на страницахъ юмористическихъ журналовъ или, быть можетъ, по первому сборнику «А. Чехонте». Кажется, Григоровичъ же устроилъ изданіе «Пестрыхъ рассказовъ», и едва-ли не отъ него узналъ о Чеховѣ Суворинъ, который и пригласилъ его работать въ «Новомъ Времени». Въ первыя же свиданія мои съ Чеховымъ, Антонъ Павловичъ показывалъ мнѣ письма Григоровича. Одно изъ нихъ было написано изъ-за границы. Григоровичъ писалъ о тоскѣ, которую онъ испытываетъ въ своемъ курортѣ, о болѣзни, о предчувствіи близкой смерти. И я живо помню, какъ Чеховъ, взявъ у меня изъ рукъ прочитанное письмо, сказалъ:

— Да, вотъ вамъ и извѣстность, и карьера, и большіе гонорары...

Эта пессимистическая нотка показалась мнѣ тогда случайной въ устахъ веселаго автора веселыхъ рассказовъ, передъ которымъ жизнь только еще открывала свои заманчивыя дали... Но впоследствии я часто вспоминалъ и эти слова, и выраженіе, съ которымъ Чеховъ произнесъ ихъ, и они уже не казались мнѣ случайными...

Послѣ выхода въ свѣтъ «Пестрыхъ рассказовъ» имя Антона Павловича Чехова сразу стало извѣстнымъ хотя оцѣнка новаго дарованія вызывала разнорѣчіе и споры. Вся книга, проникнутая еще какой-то юношеской беззаботностью и, пожалуй, нѣсколько легкимъ отношеніемъ къ жизни и къ литературѣ, сверкала юморомъ, весельемъ, часто неподдѣльнымъ остроуміемъ и необыкновен-

ной сжатостью и силой изображенія. А нотки задумчивости, лиризма и особенной, только Чехову свойственной печали, уже прокрадывавшіяся кое-гдѣ сквозь яркую смѣшливость, — еще болѣе оттѣняли молодое веселье этихъ, дѣйствительно «пестрыхъ» рассказовъ.

Домъ на Кудринской-Садовой, гдѣ жилъ А. П.

II.

Въ то время въ Петербургѣ издавался журналъ «Сѣверный Вѣстникъ». Издательницей его была А. М. Евреинова, редакція (первоначальная) составилась изъ бывшихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». Во главѣ ея стоялъ Ник. Конст. Михайловскій, близкое участіе принималъ Глѣбъ Ив. Успенскій и С. Н. Южиковъ, а въ редактированіи беллетристическаго и стихотворнаго отдѣла участвовалъ А. Н. Плещеевъ. Меня приглашали тоже ближе примкнуть къ этому журналу,

и я ѣхалъ въ Петербургъ между прочимъ и по этому поводу. Въ то время я уже прочиталъ рассказы Чехова, и мнѣ захотѣлось проѣздомъ черезъ Москву познакомиться съ ихъ авторомъ.

Въ тѣ годы семья Чеховыхъ жила на Садовой, въ Кудринѣ, въ небольшомъ, красномъ уютномъ домикѣ, какіе, кажется, можно встрѣтить только еще въ Москвѣ. Это былъ каменный особнячокъ, примыкавшій къ большому дому, но самъ составлявшій одну квартиру въ два этажа. Внизу меня встрѣтила сестра Чехова и младшій братъ, Михаилъ Павловичъ, тогда еще студентъ. А черезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ сверху спустился и Антонъ Павловичъ.

Передо мною былъ молодой и еще болѣе моложавый на видъ человѣкъ, нѣсколько выше средняго роста, съ продолговатымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній. Въ этомъ лицѣ было что-то своеобразное, что я не могъ опредѣлить сразу, и что впоследствии, по моему очень мѣтко, опредѣлила моя жена, тоже при мнѣ познакомившаяся съ Чеховымъ. По ея мнѣнію, въ лицѣ Чехова, несмотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушнаго деревенскаго парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе, свѣтились одновременно мыслью и какой-то особенной, почти дѣтской, непосредственностью. Простота всѣхъ движеній, пріемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще, въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко жизнерадостнаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которымъ были переполнены его рассказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему еще предстоитъ развернуться и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное, несмотря на то, что я сочувствовалъ далеко не всему, что было напи-

сано Чеховымъ. Но даже и его тогдашняя «свобода отъ партій», казалось мнѣ, имѣеть свою хорошую сторону. Русская жизнь закончила съ грѣхомъ пополамъ одинъ изъ своихъ короткихъ цикловъ, по обыкновенію не разрѣшившійся во что-нибудь реальное, и въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго «пересмотра», чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій. И поэтому самая свобода Чехова отъ партій данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности,—казалась мнѣ тогда, признаюсь, нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно, думалъ я,—это ненадолго... Среди его рассказовъ былъ одинъ (кажется, озаглавленный «Встрѣча»): гдѣ-то на почтовой станціи встрѣчаются неудовлетворенная молодая женщина и скитающійся по свѣту тоже неудовлетворенный, сильно избитый жизнью, русскій «искатель» лучшаго. Типъ былъ только намѣченъ, но онъ изумительно напомнилъ мнѣ одного изъ значительныхъ людей, съ которымъ сталкивала меня судьба. И я былъ пораженъ, какъ этотъ беззаботный молодой писатель сумѣлъ мимоходомъ, безъ опыта, какой-то отгадкой непосредственнаго таланта, такъ вѣрно и такъ мѣтко затронуть самыя интимныя струны этого, все еще не умершаго у насъ долговѣчнаго рудинскаго типа... И мнѣ Чеховъ казался молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво и порой какъ-то безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста.

Когда въ Петербургѣ я рассказывалъ въ кружкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» о своемъ посѣщеніи Чехова и о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ,—это вызвало много разговоровъ. Талантъ Чехова признавали всѣ единогласно, но къ тому, на что онъ направить еще не опредѣлившую большую силу,—относился съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Отношеніе къ Чехову Михайловскаго читателямъ извѣстно: онъ часто и съ большимъ интересомъ возвращался къ его работамъ, признавалъ огромные размѣры его таланта, но тѣмъ суровѣе отмѣ-

чалъ нѣкоторыя черты, въ которыхъ видѣлъ неправильное отношеніе къ литературѣ и ея назначенію. Ни о комъ, однако, изъ сверстниковъ Михайловскій не писалъ такъ много, какъ о Чеховѣ, а въ послѣдніе годы, какъ это тоже извѣстно, онъ относился къ Чехову съ большою симпатіей... Во всякомъ случаѣ, въ то время, о которомъ я рассказываю, «Сѣверный Вѣстникъ» Михайловскаго хотѣлъ бы видѣть Чехова въ своей средѣ, и мнѣ пришлось выслушать упрекъ, что во время своего посѣщенія, я (тогда еще новичокъ въ журнальномъ дѣлѣ) не позаботился о приглашеніи Чехова—какъ сотрудника.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе я уже заговорилъ съ Чеховымъ объ этомъ «дѣлѣ», но еще раньше меня говорилъ съ нимъ о томъ же А. Н. Плещеевъ, заѣхавшій къ нему проѣздомъ черезъ Москву на Кавказъ. Чеховъ самъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ свиданіи, подтвердилъ обѣщаніе, данное Плещееву, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ нѣкоторое колебаніе. По его словамъ, онъ начиналъ литературную работу почти шутя, смотрѣлъ на нее частію, какъ на наслажденіе и забаву, частію же, какъ на средство для окончанія университетскаго курса и содержанія семьи*).

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы?.. Вотъ.

Онъ оглянулъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,—поставилъ ее передо мною и сказалъ:

— Хотите,—завтра будетъ рассказъ, заглавіе «Пепельница».

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже роиться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшіе своихъ формъ, но уже съ готовымъ юмористическимъ настроеніемъ...

*) Въ то время онъ былъ уже врачомъ, хотя и не практиковавшимъ, а братъ его, Михаилъ Павловичъ, начиналъ тоже печататься въ юмористическихъ журналахъ (подъ псевдонимомъ).

Теперь, когда я вспоминаю этот разговор, небольшую гостиную, гдѣ за самоваромъ сидѣла старуха-мать, сочувственныя улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, въ центрѣ которой стоялъ этотъ молодой человекъ, обаятельный, талантливый, съ такимъ, повидимому, веселымъ взглядомъ на жизнь, — мнѣ кажется, что это была самая счастливая, послѣдняя счастливая полоса въ жизни всей семьи, — радостная идиллія у порога готовой начаться драмы... Въ выраженіи лица и въ манерахъ тогдашняго Чехова мнѣ вспоминается какая-то двойственность: частью это былъ еще беззаботный Антоша Чехонте, веселый, удачливый, готовый посмѣяться между прочимъ надъ «умнымъ дворникомъ», рекомендуя въ кухнѣ читать книги, и надъ парикмахеромъ, который во время стрижки узнаетъ, что его невѣста выходитъ за другого, и потому оставляетъ голову кліента недостриженной... Образы тѣснились къ нему веселой и легкой гурьбой, забавляя, но рѣдко волнуя... Они наполняли уютную квартиру и, казалось, приходили въ гости заразъ ко всей семьѣ. Сестра Антона Павловича рассказывала мнѣ, что братъ, комната котораго отдѣлялась отъ ея спальней тонкой перегородкой, часто стучалъ къ ней ночью въ стѣнку, чтобы рассказать тему, а иной разъ и готовый уже рассказъ, внезапно возникшій въ головѣ. И оба удивлялись и радовались неожиданнымъ комбинаціямъ... Но теперь въ этомъ беззаботномъ настроеніи происходила замѣтная перемѣна: и самъ Антонъ Павловичъ, и его семья не могли не замѣтить, что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка, — но великая драгоценность, обладаніе которой можетъ оказаться очень отвѣтственнымъ. Кажется, въ то время былъ уже напечатанъ (въ «Нов. Времени») очеркъ «Святою ночью», чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ небо отъ земли удаленной отъ безпредметно смѣшливаго настроенія большинства «Пестрыхъ рассказовъ». И въ лицѣ

Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника «Осколковъ», проступало какое-то особенное выраженіе, которое въ старину назвали бы «первыми отблесками славы»... Я помню, что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ Антономъ Павловичемъ о поѣздкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ мы тамъ встрѣтимся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь уже не мой...

Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе...

Мы условились встрѣтиться въ Петербургѣ въ редакціи «Осколковъ», гдѣ я дѣйствительно нашелъ Чехова въ назначенный день, въ кабинетѣ редактора, г-на Лейкина. Здѣсь, между прочимъ, произошелъ небольшой инцидентъ: наканунѣ г. Лейкинъ похвастался передъ Чеховымъ прекраснымъ рассказомъ, присланнымъ въ «Осколки» неизвѣстнымъ еще начинающимъ авторомъ, помнится, изъ Царскаго Села. Редакторъ пришелъ въ восторгъ и пригласилъ автора для личныхъ переговоровъ, съ цѣлью привлечь его къ журналу. Чеховъ захотѣлъ прочесть рукопись. Оказалось, однако, что это былъ просто на просто одинъ изъ его собственныхъ очерковъ, старательно переписанный съ печатнаго и подписанный невѣдомой фамиліей. Лучшій признакъ извѣстности: плагиатъ уже, очевидно, оцѣнилъ новое дарованіе и тянулся къ нему, какъ чужеядное растеніе...

III.

Черезъ нѣкоторое время первый журнальный рассказъ А. П. Чехова былъ написанъ. Назывался онъ «Степью». Во время моего пребыванія въ Петербургѣ А. Н. Плещеевъ получилъ изъ Москвы письмо, въ которомъ Чеховъ писалъ, что работа у него подвигается быстро. «Не знаю, что выйдетъ, но только чувствую,

что вокругъ меня пахнетъ степными цвѣтами и травами», — такъ приблизительно (цитирую на память) опредѣлялъ Чеховъ настроеніе этой своей работы, и это же несомнѣнно чувствуется въ чтеніи. На этомъ первомъ «большомъ» рассказѣ Чехова лежалъ еще, правда, отпечатокъ привычной ему формы. Нѣкоторые критики отмѣчали, что «Степь» это какъ бы нѣсколько маленькихъ картинокъ, вставленныхъ въ одну большую раму. Несомнѣнно однако, что эта большая рама заполнена однимъ и очень выдержаннымъ настроеніемъ. Читатель какъ будто самъ ощущаетъ вѣяніе свободнаго и могучаго степнаго вѣтра, насыщеннаго ароматомъ цвѣтовъ, самъ слѣдитъ за сверканіемъ въ воздухѣ степной бабочки и за мечтательно-тяжелымъ полетомъ одинокой и хищной птицы, а всѣ фигуры, нарисованныя на этомъ фонѣ, тоже проникнуты оригинальнымъ степнымъ колоритомъ. Младшій Чеховъ (Михаилъ Павловичъ) говорилъ мнѣ, вскорѣ послѣ того, какъ рассказъ появился въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», что въ немъ очень много автобіографическихъ личныхъ воспоминаній.

Есть въ немъ, между прочимъ, одна подробность, которая казалась мнѣ очень характерной для тогдашняго Чехова. Въ рассказѣ фигурируетъ Дениска, молодой крестьянскій парень. Выступаетъ онъ въ роли кучера, но дѣло, конечно, не въ этомъ, а въ темпераментѣ. Бричка съ путниками останавливается въ степи на привалѣ въ знойный, удушливый полдень. Горячіе лучи жгутъ головы, откуда-то несется пѣсня, «тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачь и едва уловимая слухомъ... Точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ», или сама она, «выжженная, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну... вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя»... Въ это время Дениска просыпается первымъ изъ отдыхающихъ путниковъ. Онъ подходитъ къ ручью, пьетъ, аппетитно

умывается, плескаясь и фыркая. Несмотря на зной, на тоскливый пейзажъ, на еще болѣе тоскливую пѣсню, неизвѣстно откуда несущуюся и говорящую о неизвѣстной винѣ, Дениска переполненъ ощущеніемъ бодрости и силы.

— А ну, кто скорѣе доскачетъ до осоки!—говорить онъ Егорушкѣ, главному герою разсказа, и не только одерживаетъ побѣду надъ усталымъ отъ зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этимъ, предлагаетъ такъ же скакать обратно.

Я какъ-то шутя сказалъ Чехову, что онъ самъ похожъ на своего Дениску. И дѣйствительно, въ самый разгаръ 80-хъ годовъ, когда общественная жизнь такъ похожа была на эту степь съ ея безмолвной истомой и тоскливой пѣснью, онъ явился беззаботный, веселый, съ избыткомъ бодрости и силы. То и дѣло у него неизвѣстно откуда являлись разные проекты и притомъ какъ-то сразу, въ готовомъ видѣ, съ мелкими деталями... Однажды онъ сталъ развивать передо мною планъ журнала, въ которомъ будутъ участвовать беллетристы, числомъ 25 «и всѣ начинающіе, вообще молодые». Въ другой разъ, устремивъ на меня свои прекрасные глаза съ выраженіемъ внезапно созрѣвающей мысли, онъ сказалъ:

— Слушайте, Короленко... Я приѣду къ вамъ въ Нижній.

— Буду очень радъ. Смотрите же—не обманите.

— Непремѣнно приѣду... Будемъ вмѣстѣ работать. Напишемъ драму. Въ четырехъ дѣйствіяхъ. Въ двѣ недѣли.

Я засмѣялся. Это былъ опять Дениска.

— Нѣтъ, Антонъ Павловичъ. Мнѣ за вами не ускакать. Драму вы пишете одинъ, а въ Нижній все-таки приѣзжайте.

Онъ сдержалъ слово, пріѣхалъ въ Нижній и очаровалъ всѣхъ, кто его въ это время видѣлъ. А въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Москву я засталъ его уже за писаніемъ драмы. Онъ вышелъ изъ своего рабочаго кабинета, но удержалъ меня за руку, когда я, не желая мѣшать, собрался уходить.

— Я дѣйствительно пишу и непременно напишу драму, — сказалъ онъ, — «Иванъ Ивановичъ Ивановъ»... Понимаете? Ивановыхъ тысячи... обыкновеннѣйшій человѣкъ, совсѣмъ не герой... И это именно очень трудно... Бываетъ ли у васъ такъ: во время работы, между двумя эпизодами, которые видишь ясно въ воображеніи, — вдругъ пустота...

— Черезъ которую, — сказалъ я, — приходится строить мостики уже не воображеніемъ, а логикой?..

— Вотъ, вотъ...

— Да, бываютъ, но я тогда бросаю работу и жду.

— Да, а вотъ въ драмѣ безъ этихъ мостковъ не обойдешься...

Онъ казался нѣсколько разсѣяннымъ, недовольнымъ и, какъ будто, утомленнымъ. Дѣйствительно, первая драма далась Чехову трудно и повлекла за собою первыя же серьезныя чисто литературныя волненія и огорченія. Не говоря о заботахъ сценической постановки, о терзаніяхъ автора, видящаго, какъ далеко слово отъ образа, а театральное исполненіе отъ слова, — въ этой драмѣ впервые сказался переломъ въ настроеніи Чехова. Я помню, какъ много писали и говорили о нѣкоторыхъ безпечныхъ выраженіяхъ Иванова, напр., о фразѣ: «другъ мой, послушайте моего совѣта: не жени-тесь ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на курсисткахъ»... Правда, это говоритъ Ивановъ, но русская жизнь такъ болѣзненно чутка къ нѣкоторымъ наболѣвшимъ вопросамъ, что публика не хотѣла отдѣлить автора отъ героя; да, сказать правду, въ «Ивановѣ» не было той непосредственности и беззаботной объектив-

ности, какая сквозила въ прежнихъ произведеніяхъ Чехова. Драма русской жизни захватывала въ свой широкій водоворотъ вышедшаго на ея арену писателя: въ его произведеніи чувствовалось невольное вѣяніе какой-то тенденціи, чувствовалось, что авторъ и нападаетъ и защищаетъ, и споръ шелъ о томъ, что онъ защищаетъ и на что нападаетъ. Вообще, эта первая драма, которую Чеховъ передѣлывалъ нѣсколько разъ, можетъ дать цѣнный матеріалъ для вдумчиваго біографа, который пожелаетъ прослѣдить исторію душевнаго перелома, приведшаго Чехова отъ «Новаго Времени», въ которомъ онъ охотно писалъ въ началѣ и куда не давалъ ни строчки въ послѣдніе годы,—въ «Русскія Вѣдомости», въ «Жизнь» и въ «Русскую Мысль»... Беззаботная непосредственность роковымъ образомъ кончалась, начиналась тоже роковымъ образомъ рефлексія и тяжелое сознаніе отвѣтственности таланта.

Слѣдующій за «Степью» рассказъ «Именины» былъ тоже напечатанъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». За нимъ слѣдовалъ третій, заглавія котораго я теперь не помню. Его настроеніе значительно усложнялось, а пожалуй и омрачалось нѣсколько циничными, но еще болѣе грустно-скептическими нотами. Остальное памятно, безъ сомнѣнія, всей читающей Россіи. За «Пестрыми рассказами» слѣдовалъ сборникъ съ характернымъ названіемъ: «Въ сумеркахъ». Затѣмъ «Хмурые люди»; затѣмъ въ «Русской Мысли» появилась «Палата № 6-й»,—произведеіе поразительное по захватывающей силѣ и глубинѣ, съ какимъ выражено въ немъ новое настроеніе Чехова, которое я назвалъ бы настроеніемъ второго періода. Оно совершенно опредѣлилось, и всѣмъ стала ясна неожиданная перемѣна: человѣкъ, еще такъ недавно подходившій къ жизни съ радостнымъ смѣхомъ и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при болѣе пристальнымъ взглядѣ въ глубину жизни неожиданно почувствовалъ себя пессимистомъ. Къ третьему періоду я бы отнесъ рассказы, а пожалуй и драмы послѣднихъ годовъ, въ которыхъ звучитъ и стремленіе къ лучшему,

и вѣра въ него, и надежда. Черезъ дымку грусти, порой очень красивой, порой разѣдающей и острой и всегда поэтической, эта надежда сквозить, какъ куполы церквей дальняго города, едва видные сквозь знойную пыль и удушливый туманъ труднаго пути... И надъ всѣмъ царить меланхолическое сознаніе:

Жаль только: жить въ эту пору прекрасную
Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ...

V.

Послѣ этихъ первыхъ встрѣчъ, довольно частыхъ вначалѣ нашего знакомства, мы видѣлись съ Чеховымъ все рѣже и рѣже. Наши литературныя связи и симпатіи (я говорю о личныхъ связяхъ и симпатіяхъ въ литературной средѣ) въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ были различны, и выходило такъ, что онѣ перекрещивались рѣдко также и впоследствии, когда онъ сошелся съ родственными и мнѣ литературными кругами. Я тогда же (т.-е. въ концѣ 80-хъ годовъ) сдѣлалъ было попытку свести Чехова съ Михайловскимъ и Успенскимъ. Мы вмѣстѣ отправились съ нимъ въ назначенный часъ въ Палерояль, гдѣ тогда жилъ Михайловскій и гдѣ мы уже застали Глѣба Ивановича Успенскаго и Александру Аркадьевну Давыдову (впоследствии издательницу журнала «Міръ Божій»). Но изъ этого какъ-то ничего не вышло. Глѣбъ Ивановичъ сдержанно молчалъ (тогда у него начинали уже появляться признаки сильной душевной усталости и, пожалуй, предвѣстники болѣзни). Михайловскій одинъ поддерживалъ разговоръ и даже Александра Аркадьевна, — человекъ вообще необыкновенно деликатный и тактичный, — задѣла тогда Чехова какимъ-то рѣзкимъ замѣчаніемъ относительно одного изъ тогдашнихъ его литературныхъ друзей. Когда Чеховъ ушелъ, я почувствовалъ, что попытка не удалась. Глѣбъ Ивановичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ вышли отъ Михайловскаго, забылъ, съ своей обычной чуткостью, что я огорченъ, и сказалъ:

— Вы любите Чехова?

Я попытался изобразить то чувство, которое у меня было къ Чехову, и то впечатлѣніе, какое онъ на меня производитъ. Онъ слушалъ съ обычнымъ своимъ задумчивымъ вниманіемъ и сказалъ:

— Это хорошо...—но самъ остался сдержаннымъ. Теперь я понимаю, что веселость тогдашняго Чехова, Чехова «Пестрыхъ рассказовъ»—была чужда и непріятна Успенскому. Самъ онъ когда-то былъ полонъ глубокаго и своеобразнаго юмора, острота котораго очень рано перешла въ горечь. Михайловскій чрезвычайно вѣрно и чрезвычайно мѣтко обрисовалъ въ статьѣ объ Успенскомъ ту цѣломудренную сдержанность, съ какой онъ сознательно обуздывалъ свою склонность къ смѣшнымъ положеніямъ и юмористическимъ образамъ изъ боязни профанировать скорбные мотивы злополучной русской дѣйствительности. Хорошо это или плохо,—я здѣсь разсуждать не буду. Думаю, конечно, что было бы превосходно, еслибы люди съ такими природными залежами смѣха въ душѣ находили въ себѣ и въ окружающей атмосферѣ достаточно силы, чтобы побѣдить великое уныніе русской жизни своимъ еще болѣе сильнымъ смѣхомъ. Тогда мы имѣли бы, можетъ быть, міровые шедевры сатирической литературы. Но... мечтать можно о чемъ угодно, а фактъ все-таки состоитъ въ томъ, что современное русское уныніе само побѣждаетъ русскій юморъ, и это съ неизбежностью рокового закона отразилось,—къ сожалѣнію, даже слишкомъ скоро—на самомъ Чеховѣ. Но въ то время еще было иначе, и я помню, съ какимъ скорбнымъ недоумѣніемъ и какъ пытливо глубокіе глаза Успенскаго останавливались на открытомъ, жизнерадостномъ лицѣ этого талантливаго выходца изъ какого-то другого міра, гдѣ еще могутъ смѣяться такъ беззаботно. Чеховъ тоже инстинктивно сторонился отъ назрѣвшаго уже въ Успенскомъ настроенія, которое сторожило его самого, и—они разошлись холодно, пожалуй съ безотчетнымъ нерасположеніемъ другъ къ другу.

Теперь нѣтъ уже обоихъ. Успенскій умеръ раньше,

могила Чехова еще не закрылась, когда я пишу эти строки... Но оба сошли со сцены съ надеждой на будущее и со жгучей скорбью о настоящемъ.

Вспоминается мнѣ еще одинъ разговоръ съ Чеховымъ о Гаршинѣ. Не помню, было-ли это послѣ смерти Гаршина или подъ конецъ его омраченной жизни... Я недавно вернулся изъ Сибири и во мнѣ еще живы были и свѣжи глубокія впечатлѣнія отъ ея величаво угрюмой природы и ея людей. И мнѣ казалось, что, если-бы можно было отвлечь Гаршина отъ мучительныхъ впечатлѣній нашей дѣйствительности, удалить на время отъ литературы и политики, а главное—снять съ усталой души то сознаніе общей отвѣтственности, которое такъ угнетаетъ русскаго человѣка съ чуткой совѣстью... еслибы, взамѣнъ этого поставить его лицомъ къ лицу только съ первобытной природой и первобытнымъ человѣкомъ,—то, думалось мнѣ, больная душа могла бы еще расправиться. Но Чеховъ возразилъ съ категоричностью врача :

— Нѣтъ, это дѣло непоправимое: раздвинулись какія-то молекулярныя частицы въ мозгу, и ужъ ничѣмъ ихъ не сдвинешь...

Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминались эти слова. Черезъ годъ-два «раздвинулись частицы» у Успенскаго и, сколько ни искалъ онъ исцѣленія во «врачующемъ просторѣ» родины, какъ ни метался по степямъ и ущельямъ Южнаго Урала, по горнымъ хребтамъ Кавказа, по Волгѣ и «захолустнымъ рѣкамъ» средней Россіи,—ему не удалось стряхнуть все глубже въѣдавшейся въ душу тоски, какъ и сознанія «общей отвѣтственности» передъ правдой жизни за всѣ ея неправды. А затѣмъ—«раздвинулись частицы» и у Чехова. Правда это были частицы легкихъ, а не мозга, ясность котораго онъ сохранилъ до конца. Но кто скажетъ, какую роль въ физической болѣзни играла та глубокая разѣдающая грусть, на фонѣ которой совершались у Чехова всѣ душевные, а значитъ и физическіе процессы...

Мои встрѣчи съ Чеховымъ во второй половинѣ 90-хъ

годовъ уже были не часты и случайны. Въ періодъ уже опредѣлившейся болѣзни мы встрѣтились только 3—4 раза. Одинъ разъ, это было въ 1897 г., въ редакціи «Русской Мысли». Въ то время я тоже былъ боленъ. Чеховъ разспрашивалъ меня со вниманіемъ товарища и врача и, выйдя изъ редакціи, на улицѣ задушевно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Ничего... вы поправитесь, увѣряю васъ,—вы поправитесь.

— И вы тоже поправитесь, Антонъ Павловичъ!..—сказалъ я съ вѣрой, истекавшей изъ сильнаго желанія вѣрить.

— Да, да, надѣюсь... Мнѣ и теперь лучше,—отвѣтилъ онъ, и мы расстались.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его два года назадъ, въ Ялтѣ, куда я пріѣхалъ для разговора объ одномъ общемъ заявленіи. Чеховъ написалъ мнѣ, что хочетъ заѣхать въ Полтаву, и я предупредилъ его, зная, какъ ему это трудно. Онъ жилъ на своей дачѣ, которую построилъ (по художнически непрактично) подъ Ялтой; съ нимъ жили сестра и жена. Какъ и въ первую нашу встрѣчу сестра Чехова встрѣтила меня внизу, какъ и тогда Чеховъ спустился по лѣстницѣ сверху. У меня сжалось сердце при этомъ воспоминаніи. Это былъ тотъ же Чеховъ, но куда дѣвалась его увѣренная, спокойная жизнерадостность? Черты обострились, стали какъ будто жестче, и только глаза все еще порой лучились и ласкали. Но и въ нихъ чаще виднѣлось застывшее выраженіе грусти. Сестра рассказывала, что по временамъ онъ сидитъ цѣлые часы, глядя въ одну точку... Во время разговора онъ взялъ лежавшую на столѣ книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстымъ.

— Поленца, «Крестьянинъ». Читали? Хорошая книга,—сказалъ онъ.—Вотъ еслибы мнѣ еще написать одну такую книгу... я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть.

Онъ умеръ раньше...

VI.

И опять невольно приходитъ въ голову сопоставленіе: Гоголь, Успенскій, Щедринъ, теперь—Чеховъ. Этими именами почти исчерпывается рядъ выдающихся русских писателей съ сильно выраженнымъ юмористическимъ темпераментомъ. Двое изъ нихъ кончили прямо острой меланхоліей, двое другихъ беспросвѣтной тоской. Пушкинъ называлъ Гоголя «веселымъ меланхоликомъ», и это мѣткое опредѣленіе относится однако ко всѣмъ перечисленнымъ писателямъ... Гоголь, Успенскій, Щедринъ и Чеховъ...

Неужели въ русскомъ смѣхѣ есть въ самомъ дѣлѣ что-то роковое? Неужели реакція прирожденнаго юмора на русскую дѣйствительность, —употребляя терминологию химиковъ, —неизбѣжно даетъ ядовитый осадокъ разрушающій всего сильнѣе тотъ сосудъ, въ которомъ она совершается, т.-е. душу писателя?..

Читатель проститъ мнѣ эти, можетъ быть, безсвязныя и беспорядочныя строки, лишеныя претензіи разобратъся до конца въ характерѣ и размѣрахъ понесенной русскою литературою утраты. Разбираться придется еще много и процессъ этотъ большой и сложный. Эти строки продиктованы только личными воспоминаніями о встрѣчахъ, которымъ уже не суждено повториться.

Вл. Короленко.